

Линь У поднялся с постели и пошел в ванную умыться. Почувствовав себя бодрым и посвежевшим, он вышел и спросил Ван Е:

— Что будешь есть?

Спросил — и только тут понял, что они, кажется, ничего толком и не делали, кроме как ели: плотно поужинали перед сном, а проснулись и снова проголодались.

Ван Е, все еще лениво валявшийся на кровати, не забивал себе голову подобными мыслями. Он привык во всем полагаться на инстинкты: голоден — значит голоден.

— А что у тебя есть?

— У меня? — Линь У сначала думал, как и утром, поесть где-нибудь на улице, поэтому при этих словах машинально глянул на холодильник. — Только две пачки замороженных пельменей... Ну и пара банок газировки, наверное.

Ван Е был непривередлив:

— Тогда сварим пельмени.

— Я сварю? — Линь У заметил, с каким естественным видом одноклассник Ван приготовился ждать, пока его накормят.

— Могу и я, — снисходительно предложил Ван Е, даже не шевельнувшись.

«...» Что ж, гость есть гость.

— Лежи уж спокойно, ваше величество.

Достав из холодильника замороженные пельмени, Линь У заодно включил телевизор.

Там все еще крутили повтор новогоднего гала-концерта. Как раз шел юмористический номер, и зрители в студии покатывались со смеху.

Квартира мгновенно наполнилась праздничным шумом, и в ней сразу стало как-то уютнее и оживленнее.

Линь У ушел на кухню, неся в руках пельмени.

Ван Е сладко потянулся на кровати — точь-в-точь как представитель семейства кошачьих, разминающий тело, — и только потом не торопясь сел.

На кухне зашумела газовая конфорка. Даже сквозь звуки телевизора Ван Е отчетливо слышал веселое шипение пламени.

Он огляделся по сторонам.

В ярком свете ламп крошечная квартирка была видна как на ладони.

Белые стены, деревянный пол, аккуратный диванчик с журнальным столиком и синие шторы.

Ни о каком изысканном дизайне говорить не приходилось — все было предельно просто и практично. Декора тоже почти не имелось: лишь маленький настольный календарь да

горшочек с суккулентом на столике.

Вся эта квартира по площади едва ли превосходила его собственную спальню.

А уж о ремонте и говорить нечего. В его доме интерьером занимался известный дизайнер: планировку полностью переделали, чтобы пространство казалось шире и функциональнее. Все было оформлено в стиле современного сдержанного люкса, а мебель, вплоть до стульев, заказывали из-за границы.

И новогодний концерт у них дома никто бы смотреть не стал.

Вчерашний праздничный ужин, если не считать отцовских лекций о жизненном пути и секретах успеха, прошел в полном, гнетущем молчании.

Вода закипела, пельмени отправились в кастрюлю.

Ван Е даже не нужно было смотреть на кухню: бурление кипятка, тихий всплеск падающих в воду пельменей — каждое движение Линь У он различал до мельчайших подробностей.

Когда места мало, любой шорох создает ощущение оживления, а крохотная капля тепла согревает весь дом.

Ван Е никогда особо не воспринимал празднование Нового года.

Но если бы пришлось выбирать, он бы предпочел остаться здесь и провести праздник именно так.

Линь У довольно долго возился на кухне. Когда он наконец вынес тарелку с пельменями и соусник с уксусом, Ван Е уже поднялся с кровати и стоял у прихожей, разглядывая висевшую над обувницей связку красных петард.

— Эту штуку ведь перед едой запускают? — обернувшись, спросил он.

— Перед праздничным ужином, — ответил Линь У, ставя пельмени на столик и возвращаясь в кухню за приборами. — Но я вчера совсем забыл.

Он купил эти петарды еще двадцать девятого числа последнего лунного месяца, собираясь взорвать их в Канун Нового года. Но вчера так увлекся просмотром документального фильма, что позабыл и про петарды, и про пельмени.

— Зажигалка есть? — спросил Ван Е, снимая связку.

— Хочешь взорвать прямо сейчас? — удивился Линь У.

— А когда еще? До следующего года беречь будешь? — ответил Ван Е, уже натягивая обувь.

Покупая петарды, Линь У взял и зажигалку, но из соображений безопасности хранил их отдельно. Видя, что Ван Е настроен решительно, он тут же достал ее из кармана пуховика и протянул другу.

Спустя две минуты.

Снизу донесся оглушительный треск взрывающихся петард.

Этаж был слишком высоким, и Линь У, даже прижавшись к оконному стеклу, не мог разглядеть внизу Ван Е — сквозь пелену дыма едва пробивались редкие вспышки огня.

Но он точно знал: эта праздничная канонада звучит для их дома.

Пусть его праздничный ужин и запоздал на целый день, главное — он все-таки состоялся.

Вскоре Ван Е вернулся, принес с собой запах зимней стужи.

Усевшись на диван, они принялись за пельмени, а покончив с едой, так и остались сидеть перед экраном. Повторы гала-концерта шли один за другим, словно им не было конца.

За окном то и дело гремели хлопушки и распускались фейерверки — это праздничное веселье утихнет разве что к Пятнадцатому дню первого месяца по лунному календарю.

Сегодня был первый день Нового года, но Линь У казалось, что именно сейчас наступил его Канун Нового года.

Ровно в полночь он потянулся к настольному календарю.

Коснувшись пальцами бумаги, Линь У понял, что вчера забыл перевернуть лист — там все еще красовался последний день ушедшего года.

Он аккуратно перелистнул страницу.

Новый год наконец-то начался.

— Ван Е, — негромко позвал Линь У.

Тот увлеченно разглядывал фокусы в телепередаче и обернулся чисто машинально.

И тут же увидел, как Линь У улыбнулся ему — так тепло, что глаза сощурились в форме полумесяцев.

— С Новым годом.

За окном распустился еще один бутон фейерверка.

Праздник середины осени и День образования КНР, Канун Нового года и первый день года — казалось, в это мгновение два разных временных пространства слились воедино.

Ван Е никогда не понимал, что хорошего в праздниках, но улыбка Линь У сейчас была такой искренней и милой.

— Взаимно, — именно это ему хотелось сказать еще тогда, той ночью.

Ночь пролетела незаметно, и на востоке начало светлеть.

Трансляция концерта наконец прекратилась, уступив место утренним новостям.

Линь У толкнул локтем Ван Е, который уже вовсю клевал носом:

— Эй, тебе не пора домой?

Уйти гулять в первый день Нового года да еще и проторчать у друга всю ночь — если он сейчас

не покажется дома, это будет уже слишком.

Ван Е лишь равнодушно отмахнулся:

— Не нужно.

Линь У хотел было возразить, но тут зазвонил его телефон.

Он взглянул на экран, и его глаза мгновенно вспыхнули радостью, а от сонливости не осталось и следа. Он ответил на звонок с неприкрытым восторгом:

— Дядя, ты вернулся?

Дядя?

Ван Е слегка приподнял веки.

Тот самый дядя, с которым Линь У в детстве играл у бабушки, а потом, когда один пошел в среднюю школу, а второй поступил в университет, они перестали видеться?

— Да, да... Время есть... Без проблем... Договорились...

После короткого разговора Линь У повесил трубку, все еще сияя от радости:

— Мой дядя вернулся! В обед я пойду к нему.

— Приехал откуда-то? — спросил Ван Е.

— Да, из Пекина.

— И чего так радоваться? — Ван Е еще ни разу не видел Линь У таким счастливым. Даже когда они катались на мотоцикле, на лице парня не было такой широкой улыбки.

Линь У этого даже не заметил:

— Разве я радуюсь?

— Глаза от улыбки совсем сощурил.

Линь У немного смутился. Слегка успокоив переполнявшие его чувства, он спросил:

— Я ведь никогда не рассказывал тебе о своем дяде?

Ван Е едва заметно шевельнул бровью в знак согласия.

Все как тогда в машине: хочешь — рассказывай, я послушаю, не хочешь — мне без разницы.

Но Линь У почему-то нравились такие невозмутимые слушатели. Как ни странно, о вещах, которыми он никогда ни с кем не делился, с Ван Е говорить было на удивление легко.

— Моего дядю зовут Тао Цэжань. Он старше меня на шесть лет. Когда я только приехал жить к бабушке, именно он возился со мной...

Линь У поднял глаза на потолочную люстру. В ее мягком свете перед ним возникли картины из прошлого.

Далекого, но все такого же яркого и счастливого.

— Вкусной едой мы всегда делились, играли тоже вместе. А если меня кто-то обижал, дядя на следующий же день шел мстить... — Вспомнив кое-что, Линь У прыснул от смеха. — Правда, драться он совсем не умел. Если противник был младше его меньше чем на три года, в восьми случаях из десяти дядя терпел позорное поражение.

— М-да, боец из него так себе, — объективно оценил Ван Е.

— Да потому что он рожден не для драк, — улыбнулся Линь У. — Его руки созданы для кисти.

— Художник? — в глазах Ван Е промелькнул интерес.

— Да, у него с детства был огромный талант к рисованию, — с неосознанной гордостью произнес Линь У. — Позже он поступил в Центральную академию изящных искусств на отделение масляной живописи. Еще до окончания учебы его работы раскупали коллекционеры за бешеные деньги. А после выпуска несколько лет назад его оставили преподавать. Теперь мы дай бог раз в год видимся...

— А на каникулах разве не приезжает? — спросил Ван Е. У преподавателей ведь должны быть отпуска.

— Редко, — покачал головой Линь У. — На каникулах он обычно уезжает в горы творить.

— В горы?

— Да, живет там все каникулы напролет. Говорит, только так может полностью сосредоточиться на работе. К тому же он любит писать пейзажи и животных, а людей рисовать не жалует, так что горы для него — идеальное место.

Договорив, Линь У вдруг что-то сообразил и с загадочным видом повернулся к Ван Е.

Ван Е недовольно буркнул:

— Чего уставился?

Линь У улыбнулся. Теперь грозный вид Ван Е его ничуть не пугал — парню даже захотелось в шутку потрепать его по тигриной макушке.

— Да просто подумал, что вы в чем-то похожи. Оба не любите людей.

<http://bllate.org/book/18288/1753641>